

*Софи Ханне,
вселившей в меня мужество
следовать собственным убеждениям*

Пой, как верил, как любил,
Пой про дерзких удалцов,
До разверстия могил
И до пляски мертвецов¹.

Альфред Теннисон
«Видение греха»

¹ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев: стихотворный перевод Е. Пальвановой.

■ Пролог

Эдвард Фоска — убийца.

Это неоспоримый факт. Не просто идея, воспринимаемая разумом, а непреложная истина, которую Мариана чувствовала нутром, каждой клеточкой своего тела. Осознание этого текло по венам, проникало в костный мозг.

Эдвард Фоска виновен.

Однако сейчас Мариана не может его изобличить. Не исключено, что этот человек, это чудовище, убившее по меньшей мере двоих, выйдет сухим из воды.

Какой же он самодовольный и самонадеянный! Воображает, что всех перехитрил...

Он ошибается. Борьба еще не окончена.

Мариана обязана его переиграть. У нее нет другого выхода.

Она ночь напролет будет сидеть здесь, в маленькой комнатушке в Кембридже, анализируя произошедшее. Будет ломать голову, пока что-нибудь не придумает.

Мариана уставилась на пылающую в темноте красную обогревательную панель на стене, пытаясь ввести себя в состояние, подобное трансу.

Она прокрутит в уме все события, припомнит все до мельчайших подробностей.

И поймает Эдварда Фоску.

■ Часть I

Я никогда не думал, что горе похоже на *страх*.

К. С. Льюис.
«Боль утраты. Наблюдения»

1

Во вторник вечером Мариана сидела на полу в окружении коробок и в очередной раз пыталась разобрать вещи Себастьяна.

Работа не двигалась. Со дня его смерти прошел год, а пожитки до сих пор валялись тут и там, частично сложенные в стопки, частично рассованные по полупустым коробкам. Мариана никак не могла завершить начатое.

А все потому, что до сих пор любила Себастьяна. Конечно, он ушел навсегда, но Мариана была не в силах его забыть. Непонятно, что делать с этой любовью, огромной и нескончаемой, которая высыпается из сердца, как наполнитель из тряпичной куклы, когда та рвется по швам.

Если б и любовь можно было упаковать так же, как одежду... Подумать только: жизнь человека свелась к вороху никому не нужных вещей, приготовленных для распродажи. Жалкое зрелище.

Потянувшись к ближайшей коробке, Мариана вытащила старые зеленые кроссовки. В них Себа-

стьян любил бегать по пляжу. Кроссовки до сих пор до конца не просохли, к подошвам прилип песок.

«Выкини их. Давай же», — приказала себе Мариана, хотя и осознавала, что сделать это выше ее сил. Конечно, сами по себе кроссовки — всего лишь старое барахло. Они не заменят ей Себастьяна — человека, которого она любила и будет любить вечно. И все же расстаться с ними было слишком больно. Все равно что самой срезать кусок кожи со своей руки.

Мариана прижала кроссовки к груди, баюкая их, как младенца, и зарыдала.

Как же это случилось?

Всего за год — время, которое раньше пролетело бы незаметно, а теперь тянулось и тянулось, словно опустевшая после сокрушительного урагана долина, — в ее жизни произошли роковые перемены. В тридцать шесть лет, одинокая и захмелевшая в этот субботний вечер, она цеплялась за кроссовки, как за священную реликвию. Впрочем, для Марианы они действительно приобрели сакральное значение.

Умерло что-то прекрасное, что-то святое. Остались лишь книги, которые читал Себастьян, одежда, которую он носил, и вещи, к которым прикасался. Они еще хранили его запах. А Мариана до сих пор помнила вкус его губ...

Потому-то она и не могла выкинуть его пожитки: те хоть как-то, хоть чуть-чуть связывали ее с Себастьяном. Без них эта связь пропадет окончательно и бесповоротно.

В книге «Скорбь и меланхолия» Фрейд писал, что при потере близкого необходимо психологически принять утрату, иначе горе может обрести патологический характер и переродиться в то, что Фрейд называл «меланхолией», то есть в депрессию.

Мариана понимала, что должна смириться с гибелью Себастьяна, но не могла, потому что любила его. Любила, пусть он и ушел навеки, исчез за пеленой. За пеленой, за пеленой... откуда эта строчка? Кажется, из стихов Теннисона.

За пеленой.

Мариана и сама очутилась за пеленой. С тех пор как Себастьян умер, все краски вокруг поблекли, звуки стали приглушенными. Жизнь сделалась тусклой и серой, словно ее накрыла пелена — завеса из тоски и печали.

Мариане хотелось отгородиться от шумного мира, полного боли. Укрыться здесь, в их маленьком желтом домике в Лондоне, и с головой уйти в работу.

Тут бы она и оставалась, если б как-то октябрьским вечером из Кембриджа не позвонила Зои.

Все началось в четверг, после сеанса групповой психотерапии.

2

Каждый четверг, по вечерам, Мариана собирала своих пациентов в кабинете психотерапии, под который она отвела просторную гостиную в их доме, как только они с Себастьяном сюда переехали.

Им очень понравился этот солнечно-желтый домик на северо-западе Лондона. И расположенный рядом парк Примроуз-Хилл с растущими повсюду такими же яркими примулами. И побеги жимолости, увивавшие стены и в теплое время года источавшие дивный запах. Сладкий аромат белых лепестков проникал через раскрытые окна внутрь помещений, заполняя каждую комнату, каждый коридор.

Хотя было уже начало октября, вечер выдался не по-осеннему теплый. Листья вовсю облетали, однако бабье лето не уходило, словно бесцеремонный гость на вечеринке, в упор не понимающий намеков на то, что пора и честь знать. Лучи низкого солнца заливали гостиную золотисто-оранжевым светом. Перед сеансом Мариана опустила жалюзи, но приоткрыла створки окон, чтобы не было душно.

Затем она расставила по окружности девять стульев, по одному для каждого пациента и для себя. Хотя теоретически стулья должны были быть одинаковыми, на практике Мариана пренебрегала этим требованием. За годы работы у нее скопилось множество всевозможных стульев, различавшихся по форме и размеру и изготовленных из разных материалов.

Эта небрежность в подборе стульев отражала ее спокойный, неформальный, нетрадиционный подход к работе.

Даже странно, что Мариана стала психотерапевтом, да еще решила специализироваться на групповых сеансах. Скопления людей вызывали

у нее противоречивые чувства. Она всегда относилась к ним настороженно.

Мариана выросла в Греции, на окраине Афин. Ее семья жила в просторном старом доме на вершине холма, поросшего тенистыми оливковыми деревьями. В детстве Мариана часто сидела в саду на ржавых качелях и с суеверным страхом обозревала раскинувшийся внизу от колонн Парфенона до подножия другого холма древний город. Он выглядел настолько огромным, даже бесконечным, что по сравнению с ним Мариана чувствовала себя крошечной и ничтожной.

Она побаивалась ходить с экономкой за покупками на шумный базар в центре Афин. И, вернувшись, вздыхала с облегчением, удивляясь, что ей удалось остаться невредимой.

Массы людей продолжали пугать ее и в более старшем возрасте. В школе Мариана держалась обособленно, в стороне от одноклассников, считая себя в их компании лишней. От этого ощущения сложно было избавиться. Много лет спустя, проходя курс психотерапии, Мариана поняла, что просто переносила на другие сообщества свои семейные проблемы. То есть дело было не в рынке, не в школьном или любом ином коллективе, а в деструктивных взаимоотношениях в ее семье и постоянном чувстве одиночества.

Несмотря на жаркий, солнечный климат Греции, в их доме не хватало теплоты в прямом и в переносном смыслах слова. Там всегда было холодно и пусто, во многом по вине отца Марианы — незаурядного, умного и влиятельного человека, который, однако, обладал весьма тяжелым характером.

Мариана предполагала, что таким его сделало трудное детство. Она ни разу не встречалась с родителями отца, и тот о них предпочитал не распространяться. Мариана знала лишь, что ее дед служил во флоте, а бабушка работала в порту. Отец упомянул об этом вскользь и с таким стыдом, что Мариана забеспокоилась, уж не была ли та проституткой.

Ее отец вырос в афинских трущобах, в районе Пирейского порта. Еще в детстве начал выходить в плавание с моряками, быстро приобщился к торговле кофе, зерном и, как подозревала Мариана, различной контрабандой. К двадцати пяти годам он обзавелся собственной лодкой, занялся бизнесом и впоследствии, пройдя по головам, потом и кровью создал некое подобие империи.

Мариане отец слегка напоминал короля, а точнее, тирана. Позже она узнала, что он был сказочно богат, хотя жили они скромно, по-спартански. Возможно, мама Марианы, англичанка, нежная и деликатная, смягчила бы суровый нрав отца, но она трагически погибла совсем молодой, почти сразу после рождения дочери.

Мариана росла, испытывая острое чувство потери. Как и любой психотерапевт, она знала: отношение ребенка к самому себе формируют его родители. Малыш видит себя их глазами. К несчастью, глаза ее мамы закрылись навеки, а отец... отец, скажем так, вообще редко замечал дочь. Обращался к ней, разве что небрежно оглядываясь через плечо. Мариана лезла из кожи вон, чтобы оказаться в поле его зрения; увы, отец всегда отворачивался.